Епископ Бачский Ириней: украинская власть проявляет максимальную активность в гонениях на подлинную каноническую Церковь

Интервью *иерарха Сербской Православной Церкви Иринея изданию «Печат» (Сербия). В преддверии Рождества в беседе с корреспондентом издания иерарх, в частности, затронул такие темы, как положение Украинской Православной Церкви, переживающей новую волну гонений, вопросы православного единства, последствия антиканонических действий Константинопольского Патриархата на Украине и разделения в православном мире, а также рассказал об отношениях с Македонской Православной Церковью – Охридской Архиепископией и о религиозной ситуации в Черногории.*

– Ваше Преосвященство! Очевидно, что в неких центрах силы на планете разработан план уничтожения Православия, который активно реализуется, судя по событиям на Украине. Накануне начала войны из двух украинских раскольнических группировок была создана так называемая Православная Церковь Украины, которой Константинопольский Патриархат предоставил спорную автокефалию. Можно ли

сказать, что данный шаг стал одной из причин нынешнего кровопролития на Украине?

– Можно, но лишь весьма условно. А именно: невозможно поверить в то, что Константинопольский Патриархат в самом деле желал нынешнего кровопролития, когда неканоническим образом создавал на Украине свою парацерковную структуру – имеющую церковный облик, но при этом по существу отнюдь не церковную, создавал её в обход существующей и численно преобладающей канонической Церкви, которую он сам до дня претворения в жизнь своего решения признавал, да и ныне продолжает её по сути признавать, ибо не смеет объявить ее неканонической или несуществующей.

Так возник невероятный канонический оксюморон. Патриархат, который претендует на юрисдикцию надо всей православной диаспорой на всех континентах, ссылаясь на канонический принцип, гласящий, что в одном городе, то есть на одной и той же территории, не могут одновременно иметь компетенцию два епископа, сам на практике поступает диаметрально противоположно принципу, на который ссылается: в город и область, где уже имеется один, действующий и общепризнанный, епископ, этот Патриархат назначает другого, параллельного епископа, являющегося притом нераскаянным и безблагодатным раскольником.

Константинопольский Патриархат всегда знал, что постмайданная украинская власть, выстроенная как самая радикальная антироссийская структура, находящаяся на службе непосредственно у НАТО и политического «Запада», не только заинтересована в превращении раскольнических группировок в своего рода государственную Церковь, но и проявляет максимальную активность в гонениях на подлинную каноническую Церковь (запугивание духовенства, захват храмов и насильственная «перерегистрация» приходов, террор против верующих...). Как бы то ни было, все время своего бесславного правления Порошенко и не вырывался с берегов Босфора!

Никому, а менее всех Священноначалию Великой Церкви Христовой в Константинополе, не требовалось особой проницательности, чтобы понять, что антицерковные и антирусские гонения в условиях войны между Россией и коллективным Западом на территории несчастной Украины стали бы намного жестче, чем были до начала столкновения. Этот государственный террор переживает свой пик буквально в последние дни. Иллюстрацией служит не только кощунственное вторжение полицейских и «сотрудников служб безопасности» в величайшую святыню Украины и всего Русского православного мира, Киево-Печерскую лавру, но и объявление вне закона канонической Украинской Православной Церкви и угроза того, что, при попущении Божием, «проевропейское» и «демократически» ориентированное украинское государство её попросту запретит, если не упразднит. Само собой разумеется, что добродетельные представители демократии и человеческих – в том числе религиозных – прав и свобод по обе стороны Атлантики

мудро молчат. По их мнению, в Киеве рыцарски (!) защищают их «ценности» и «идеалы», а диктатура, как они говорят, была и остается неизменной чертой Кремля. О времена, о нравы!

Общественности отчасти известно, что многие косвенно, а некоторые и прямо – как, например, Святейший Патриарх Московский Кирилл, многие богословы из Элладской и других грекоязычных Церквей, но и из нашей Поместной Церкви, а также ряд видных верующих интеллектуалов – своевременно и открыто, ещё до принятия Священноначалием Константинопольского Патриархата своего не только спорного, но и антиканонического решения о провозглашении автокефалии так называемой Православной церкви Украины, указывали на широкий спектр его возможных пагубных последствий.

Предсказанные последствия, касавшиеся, как я уже сказал, внутриукраинской ситуации, не заставили себя ждать: это и захват храмов канонической Церкви, и запугивания, и притеснения и т.д.

Мы надеялись, что Фанар не пойдет путём, которым он всё-таки пошёл. Тот путь привёл, как заранее указывалось, к еще большему углублению и обострению болезненного раскола Церкви на Украине... Предсказывались и последствия в сфере межправославных отношений – прежде всего, разрыв отношений между Поместными Церквами, который, как мы все знаем, закономерно произошёл. Я сам, будучи знаком со Святейшим Патриархом Варфоломеем на протяжении многих лет, а по факту даже десятилетий, без обиняков говорил ему лично, как и другим константинопольским архиереям и богословам, о тех возможных последствиях, которые будет иметь уступка политическим влияниям и недостаточное знание глубинных проблем Православия на Украине, призывал любой ценой избегать вмешательства в жизненно важную каноническую сферу Русской Церкви.

Говорилось заранее и о том, что Православная Церковь на всех уровнях – на епархиальном, поместном и вселенском – должна быть организована и управляться на началах соборности; что только такой образ жизни и управления делает нас заслуживающими доверия свидетелями о Православии перед современным миром и в первую очередь перед римо-католиками. Но, к сожалению, не были учтены ни доводы многих авторитетных людей, ни священные каноны, ни опыт прошлых веков, ни Священное Предание Восточной Церкви.

Все, кто предупреждал первых лиц Константинопольской Церкви о последствиях, имели в виду как церковные трения, так и другие проблемы, вплоть до братоубийственного насилия на Украине. Но нельзя было предвидеть, что конфликты между православными – независимо от того, были они инициированы или уже после их возникновения дополнительно разжигались неправославными и даже откровенно антихристианскими силами, как внутренними, так и, тем более, внешними, –

будут использованы как пролог и мизансцена для межгосударственного конфликта с миллионами беженцев, разрушением городов, с десятками тысяч жертв среди военнослужащих обеих сторон, убитыми и ранеными мирными жителями...

Такое трагическое развитие событий является следствием мировых процессов гораздо более сложных и далеко идущих, чем отравленные отношения между Россией и Украиной (антироссийский проект, государственное преследование всего русского на Украине, особенно Церкви, русского языка и культуры, многолетний террор против русского и русскоязычного населения Донбасса, отказ НАТО от статуса Украины как нейтральной буферной зоны, намерение Альянса выйти на границы России и так далее). Я верю, что все мы, во всех Православных Церквах, призваны испытывать равную сострадательную любовь к тем и другим и неустанно молиться Господу Мира о скорейшем восстановлении мира между братьями. Нам ни в коем случае нельзя участвовать в пропаганде тех сил, которые на словах выступают за мир, но «продвигают» его отправкой на Украину все большего количества вооружений и тем самым работают на то, чтобы война длилась как можно дольше...

– Накануне предоставления автокефалии так называемой Православной церкви Украины Константинопольский Патриархат отозвал Томос 1686 года, которым Киевская митрополия была присоединена к Московскому Патриархату. Специалисты в области канонического права считают это действие Константинопольского Патриархата незаконным; не признало его и большинство Православных Церквей. Однако этому шагу Фанара были рады некоторые организации, именующие себя православными церквами, например, так называемая Черногорская православная церковь и Хорватская православная церковь. Можно ли представить себе, что наступит момент, когда Константинопольский Патриархат начнет выдавать Томосы о независимости таким «церквам»?

– В год предоставления фиктивной автокефалии несуществующей Церкви в Украине, точнее, двум насильно и временно объединённым раскольническим группировкам – при игнорировании канонической и единственно существующей Церкви на Украине – во всех официальных документах как Константинопольского Патриархата, так и всех других Поместных Православных Церквей Киевская митрополия со всеми входящими в неё епархиями указывалась как автономная или самоуправляемая Церковь в составе Московского Патриархата.

И вот чудо: несмотря на это, Константинопольский Патриархат после 333 лет официального согласия и молчания вдруг волшебным образом обнаруживает, что его собственный официальный канонический акт 1686 г. не был корректным и действительным, что Киев, сам того не осознавая, все это время на самом деле продолжал находиться под юрисдикцией Константинополя, который

теперь якобы полномочен окончательно, в соответствии со своими якобы исключительными правами и привилегиями, определить канонический статус Церкви на Украине, которой, кстати, не существовало в 1686 г. ни в теории, ни на практике. Существовала лишь Киевская митрополия, чья территория – малая часть сегодняшней Украины, насчитывающей около сотни канонических епархий.

Большинство Православных Церквей прямо или молча восприняли это действие Константинопольской Церкви как незаконное, неправильное и чреватое опасностями для единства Православия и именно поэтому продолжают признавать каноническим митрополита Киевского и всея Украины Онуфрия, игнорируя гражданина Сергея Думенко («митрополита Епифания»). Наша Поместная Церковь, Сербская и Святосаввская, уважает многовековой канонический порядок Православной Церкви и, придерживаясь его, сожалеет о разразившемся глубоком духовно-каноническом кризисе в Православии и молитвенно уповает на его преодоление. Дай Бог, чтобы это произошло как можно скорее! Великая Церковь Христова в Константинополе проявляет, правда, стремление распространять свою юрисдикцию на всю православную диаспору на всех континентах и вмешиваться во внутреннюю жизнь автокефальных Церквей, но я полагаю и, более того, уверен, что упомянутые Вами карикатурные псевдоцерковные организации, как и другие им подобные, не станут кандидатами на признание и уж тем более на получение некого Томоса о самостоятельности, хоть о том и мечтают.

– Мы являемся свидетелями событий на Украине, когда спецслужбы украинского государства совершают рейды по монастырям Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, таким как древняя Киево-Печерская Лавра, и некоторым другим храмам и семинариям, где производят обыски, рассматривая их как центры шпионажа в пользу российской армии. При этом компрометирующими материалами для украинских полицейских служб являются любые книги, напечатанные на русском языке, и даже рождественские и пасхальные послания Патриарха Кирилла. Дошло до того, что на территориях, подконтрольных украинскому государству, богослужение может совершаться лишь на украинском языке. Можно ли найти подобные примеры в прошлом?

– Нет. Нигде и никогда.

– Логику «Православной церкви Украины» восприняли и некоторые другие псевдоцерковные структуры, созданные на канонической территории Сербской Православной Церкви, – прежде всего, так называемая «Черногорская православная церковь», которая не признаёт сербский язык и кириллицу, используя черногорский и хорватский языки, «черногорскую» или хорватскую латиницу. Может ли наступить день,

когда подобные организации, опираясь на поддержку мощных полицейских служб, выступят за запрет богослужения на сербском языке и употребления кириллицы?

– Не верю в возможность подобного сценария ни в Черногории, ни где-либо еще. В Черногории, слава Богу, Православие уже одержало историческую победу над государственным проектом насаждения нездоровой черногорской секты, созданной регистратором полицейского участка в Цетинье. В Черногории имеет место уникальный парадокс. Даже два родных брата определяют себя в национальном смысле по-разному: один – как серб, а другой – как черногорец. И притом сербский народ в Черногории переживает свой ренессанс и свое триумфальное возвращение на общественную сцену, что уже стало и ночным, и дневным кошмаром для новоявленного «дуклянства» и «монтенегринства».

Феномен Черногории удручающий и печальный. Некрещеный атеист «генералиссимус» Мило Джуканович основывает «Церковь», но не крестит в ней своего внука, ибо знает, что его творение Церковью вовсе не является, но везёт его на крещение в Стамбул, где, порядка ради, ставит свечку, не осеняя себя при этом знамением Честнаго Креста, что и хорошо, ибо Крест для него ничего не значит. Однако эпоха Мило, по Божией и человеческой справедливости, минула навсегда. Кстати сказать, я знаю Мило со времен Жуты Греды, когда он был не просто сербом, а великосербом. Когда он лгал себе и другим – тогда или позже, хорошо бы ему самому рассказать публике, но, полагаю, что он этого не сделает.

– Константинопольский и Московский Патриархаты находятся в трагическом конфликте, который усугубился юрисдикционным конфликтом Москвы с Александрией в Африке, что, опять же, является следствием того факта, что Александрийский Патриархат, следуя по стопам Фанара, признал легитимность украинских раскольников. Насколько чревата эта ситуация опасностями для единства Восточной Церкви?

– Не менее, чем ситуация, вызванная предыдущими решениями Фанара.

– Под огромным давлением киевского режима Украинская Православная Церковь Московского Патриархата перестала поминать Патриарха Кирилла и приняла решение об окончательной «автокефализации», подкрепленное решением о самостоятельном варении мира для крещения. Шаг этот канонически спорный. Насколько здесь речь идёт о политике, а насколько – о вопросах соборности и Церкви в целом?

– Прекращение поминовения Московского Патриарха, совершившееся под огромным давлением киевского режима, как Вы правильно напоминаете, вполне объяснимо психологически и этически. Но значение этого, как мне кажется, не следует преувеличивать. Православная Церковь на

Украине, в России и во всем православном мире сохраняет вероучительное и каноническое единство, а это обстоятельство – единственное церковное мерило происходящего. Мироварение же дела не меняет: исторически и канонически осуществлять его имеет право каждая епархия, не говоря уже о каждой автокефальной Церкви.

После кончины митрополита Амфилохия верующий народ Черногории решительно встал на сторону митрополита Иоанникия и епископа Мефодия. Как Вы оцениваете текущую религиозную ситуацию в Черногории?

– И в прежние годы мы с Вами говорили о духовном пробуждении и исцелении народа в Черногории после почти восьми десятилетий насилия, которое он терпел от властодержцев, чьей целью было радикальное изменение идентичности сербского народа Черногории и обезбожение всех черногорцев – как сербов, так и несербов. Эта жестокая инженерия, к сожалению, велась повсеместно, и не только в бывшей сербской Спарте, в то время как мы, сербы, – громче всех, а может быть, единственные, словно глаза и уши наши были завязаны, – пели: «От Вардара до Триглава, от Джердапа до Адриатики...»

Поэтому сегодня в Черногории немало претендующих быть теми, кем не являются, и не теми, кто они суть на самом деле, хотя их близкие или далёкие предки полагали голову на отсечение за то, кем они были. В этом мы видим большой успех той жестокой инженерии, которая была основана на «собачьих кладбищах» и десятках тысяч убитых. «Страх за жизнь часто лишает человека чести», – говорит в поэме Негоша Владыка Даниил.

Наш Патриарх прекрасно понимает человеческие слабости и страхи. Именно поэтому, выступая в Подгорице перед десятками тысяч верующих накануне интронизации нового митрополита Черногорского и Приморского, он пригласил в братские объятия тех из наших братьев, кто нас братьями не признают. Патриарх Порфирий часто повторяет этот призыв, актуальный и ныне.

О важности решения Патриарха и митрополита Иоанникия не поддаваться грубому давлению и опасным угрозам (или, с другой стороны, «благонамеренным» рекомендациям «друзей») отказаться от древней практики, которой следовало решение Собора, и провести интронизацию митрополита Иоанникия в Подгорице, а не в Цетиньском монастыре, с 5 сентября 2021 года до сего дня нам не перестают напоминать те, кто не желают блага ни сербскому народу, ни Сербской Церкви.

Такие лица выступали с заявлениями из Цетинье и Подгорицы, а также из среды белградской элиты и из Сараево, но, как видится, больше всего злобы и ядовитой ненависти к Патриарху Порфирию и митрополиту Иоанникию за их мужественную решимость было в словах заявлений,

доносившихся из Загреба.

Крайние «католические» интеллектуалы – так называемые вольнодумные левые – проявили даже больше гнева, чем хорватские ветераны войны. Не оставшись в стороне, с заявлением на тему интронизации в Цетинье в одном из характерных для него безудержных проявлений «христианской любви» к сербскому народу и Сербской Православной Церкви выступил католический епископ Владо Кошич из Сисака, известный до недавнего времени как «корифей экуменического диалога Церкви в Хорватии».

Провал попытки помешать совершению вошедшего в традицию церковного священнодействия, проводившегося незапамятное количество раз в истории, показал, что, когда речь идет о сербах как народе, о Сербской Церкви и государстве, в хорватской политике трудно проследить разницу между левыми и правыми. До 5 сентября 2021 года и те, и другие воспринимали Черногорию как «задний двор» Хорватии.

Но что поделать? Все имеет свой конец, в том числе и исторические мечты о «Красной Хорватии до Валлоны». Ведь ситуация в Черногории кристально ясна: подавляющее большинство людей – на стороне Церкви Святого Саввы. Наш народ, хотя и не имел возможности изучать катехизис и получать религиозное образование, лучше иных священников понимает, что он всецело принадлежит Церкви, Богочеловеческому сообществу свободных личностей, крещенных во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Поэтому когда под угрозой оказалось церковное имущество, народ, понимая, что это одновременно посягательство и на национальную сербскую идентичность, и в не меньшей мере на духовную (православную) идентичность тех черногорцев, которые не хотят объявлять себя сербами, встал на защиту церковного имущества решительнее, чем своего собственного.

Надеюсь, что ситуация продолжит стабилизироваться. Добрым знаком стало подписание Основного соглашения между Черногорским государством и Сербской Православной Церковью. После ухода сыгравшего бесславную эпизодическую роль бывшего премьера Кривокапича, следующий премьер Черногории Дритан Абазович (кстати, албанец по национальности), действуя по закону, несмотря на угрозы, приравнял Церковь большинства – Сербскую Православную Церковь – к прочим Церквам и религиозным общинам, чьи отношения с государством уже были ранее урегулированы. С момента нашего знакомства и беседы с ним во время его визита к Патриарху Сербскому я считаю его не только достойным человеком и ответственным государственным деятелем «старой закалки», но и своим собственным другом, и потому, пользуясь настоящим случаем, призываю на него благословение Божие (по-албански bekim или, как я когда-то узнал, «шњетен бол»).

Остаётся еще обширное поле деятельности – например, восстановление преподавания Закона Божия в школе, но я верю, что в условиях нормализации положения Церкви в обществе моим собратьям-архипастырям Иоанникию и Мефодию будет гораздо легче заниматься реализацией её прав, чем раньше.

– Каковы отношения с Македонской Православной Церковью – Охридской Архиепископией во главе с Архиепископом Стефаном, автокефалию которой недавно признала Сербская Церковь? Как идёт процесс реализации договоренностей, достигнутых двумя Церквами?

– Отношения, слава Богу, не просто хорошие, а братские. По существу, экзистенциально, духовно мы были, есть и будем единой Церковью. После установления евхаристического и канонического единства с Матерью-Церковью, в нашем случае – с Церковью Сербской (следует отметить, что во времена до святого Саввы она входила в состав Охридской Архиепископии), а тем самым и со вселенским Православием, мы имеем следующую ситуацию, на первый взгляд необычную, но, в сущности, единственно возможную: формально две Церкви друг от друга удалились (ибо одна из них, автономная, стала автокефальной), но содержательно и экзистенциально более сблизились и объединились, чем когда-либо прежде.

Наши братья в Северной Македонии осознали и согласились, что Сербский Патриархат ничего не творит им назло и не упорствует попусту в вопросе об автокефалии, которой они так долго и горячо желали, что встали ради неё на путь раскола, но что Сербская Церковь в качестве Церкви Матери, ради их же блага, как условие всех условий на пути к этой заветной цели требует её достижение исключительно каноническим путем, через возвращение к законному статусу самой широкой автономии в составе Сербской Церкви, который ею им был дан в 1959 году.

И как только они этот шаг совершили, Сербская Церковь без предъявления каких-либо условий и без промедления благословила их не только возвращением от раскола к единству, но и долгожданной автокефалией. Эти наши братья убедились, что Сербская Церковь не против них, а за них и что она не против их автокефалии (в конце концов, они на протяжении столетий были независимой, хотя, с формальной точки зрения, и не автокефальной Церковью), если она способствует большему успеху духовной и пастырской деятельности ко спасению душ в народе и для народа. Ведь, в конце концов, церковно-правовой статус какой-либо Церкви никоим образом не влияет на тот онтологический факт, что все Поместные Церкви составляют одну соборную Церковь.

Впрочем, разница между автокефальным и широко понятым автономным статусом на самом деле

минимальна: в первом случае Первоиерарх или Предстоятель поминает за богослужением Предстоятелей всех остальных Православных Церквей, а во втором случае – лишь своего непосредственного кириарха; точно так же в первом случае избрание Предстоятеля не влечет за собой обязательного формального утверждения состоявшегося избрания, а во втором случае такая процедура подразумевается и на практике сводится к тому, что в утверждении отказывают, только если избранный кандидат нетвёрд в вере или неприемлем в моральном отношении, или если за ним стоят внецерковные факторы, то есть силы мира сего – политические или какие-либо иные.

Короче говоря, автокефалия не привносит в бытие Поместной Церкви какого-либо дополнительного существенного элемента, какого-то особого онтологического свойства, какой-то новой nota Ecclesiae, но означает систему организации и взаимодействия крупных церковных областей в целях наиболее эффективной реализации первостепенной задачи Церкви – спасения людей или, иными словами, обеспечения полноты подлинной духовной жизни, достойной человека как сотворённого по образу Божию боголюбивого существа.

Автокефалия, строго говоря, – категория историческая. Она возникла достаточно поздно, после периода усвоения Церковью митрополичьей системы управления, и развивалась постепенно. Следует подчеркнуть, что на самом раннем этапе христианской истории каждая Поместная Церковь, возглавляемая епископом (сегодня мы называем ее епископией или епархией), была полностью самостоятельной (как мы сегодня сказали бы, автокефальной), но всегда и обязательно – в единстве со всеми остальными Поместными Церквами.

Не будем забывать, что на протяжении веков некоторые автокефалии исчезали, а новые возникали. Однако при всех этих переменах фундаментальная организация Церкви, подробно задокументированная уже на страницах Нового Завета, то есть с самого начала истории Новозаветной Церкви, Церкви Христовой, всегда оставалась одной и той же, неизменной, основываясь на епископальном устройстве (некоторые его называют епископоцентрическим).

Система соборной взаимосвязи и взаимопроникновения между самостоятельными (автокефальными) Церквами, более или менее крупными, куда более аутентична в богословском или экклезиологическом отношении, нежели монархическая или пирамидальная структура, в которой нет равных друг другу патриархов и где вместо соборности и первенства чести господствует принцип первенства власти, где папа находится на вершине «пирамиды», а все остальные – ниже его. В Православии епископов избирают и поставляют соборы, а в католицизме – один человек. Кроме того, первый по рангу епископ у нас означает первый на соборе равных (primus inter pares), а не первый in absoluto.

Справедливости ради стоит отметить, что современная римо-католическая теология, изучая библейские и святоотеческие источники, а отчасти и под влиянием православного богословия, все больше открывает для себя целесообразность и преимущества принципа соборности в церковных структурах, причем на всех уровнях – от прихода до папы и римской курии.

Между тем, у нас, православных, странным энтропийным образом всё чаще звучит терминология и риторика, неодолимо напоминающая терминологию и риторику Первого Ватиканского Собора (1870 г.): то «имею особые права», то «имею привилегии», то «имею особые полномочия», и т.д. и т.п.

Плоды этого образа мыслей, наблюдаемые в жизни современного Православия, отмечаемые где-то больше, а где-то меньше (враждебность, борьба за превосходство, пререкания, конфликты – вплоть до раскола между отдельными Поместными Церквами) не служат нам на пользу, ставя под вопрос доверие к нам у инославных христиан, которые столь многого ожидали от нас в области свидетельства о соборности, причём не только на словах, но и на деле.

Чем скорее мы смиримся, чем скорее распнем себя миру и умрем для высокомерия и гордыни, для самопревозношения и самоидолопоклонства, тем скорее Христос, Господь всего сущего, суверенный Властелин истории, и, вместе с тем, – Страждущий Раб Господень и добровольный Слуга всех нас, Его «братьев меньших», вновь возвысит нас до Себя, до славы Своего Креста и Воскресения.

В заключение скажем, что система соборного единства сестринских автокефальных Церквей является наилучшей из возможных систем, но когда она проводится в жизнь духовно незрелыми людьми, не достигшими должного уровня церковного сознания, тогда она, благодаря им, становится на практике наихудшей возможной системой. Пусть же всякий из нас потрудится, чтобы она была не наихудшей, а наилучшей системой, каковой на самом деле является!

Источник: https://mospat.ru/ru/news/90001/